

**ЛУИС
СУАРЕС**

ЛУИС СУАРЕС

Я - ЧЕЛОВЕК-
ВЫСТРЕЛ



Москва
2019

УДК 796.332:929 Суарес Л.
ББК 75.578
С89

Luis Suárez
MY STORY: CROSSING THE LINE

Суарес, Луис.
С89 Я — человек-выстрел / Луис Суарес ; [пер. с англ. Ф. А. Исрафилова]. — Москва : Эксмо, 2019. — 368 с. — (Иконы спорта).

ISBN 978-5-699-92801-9

В своей автобиографии нападающий «Барселоны» Луис Суарес с трепетом рассказывает об удивительной карьере, путешествии из небольшой уругвайской деревушки до большой футбольной сцены.

УДК 796.332:929 Суарес Л.
ББК 75.578

ISBN 978-5-699-92801-9

© 2014, Luis Suárez
© Исрафилов Ф. А., перевод на русский язык, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Посвящается
Софи, Делфи и Бенджи.*

Я люблю вас

Предисловие. Переступая черту

Я ПОНЯЛ ВСЕ СРАЗУ, как только все произошло. Когда Диего Годин забил, я закричал «Гол!», но внутри меня все сжалось. Я был рад за себя и своих партнеров по команде, был рад тому, что мы проходили дальше, но я не хотел продолжать думать об этом — думать означало принять то, что я натворил, и последствия моего поступка.

Я подвел людей. Мой тренер Оскар Табарес, «Маэстро», был в раздевалке. Он был подавлен, поскольку понимал, что теперь может со мной произойти. Я не мог смотреть на партнеров. Я не мог взглянуть на Маэстро. Я не знал, как перед ними извиняться. Он сказал мне, что после игры журналисты спрашивали его об инциденте, и он ответил им, что ничего не видел.

Мои партнеры пытались мне сказать, что ситуация, возможно, не настолько плачевная. Я и слушать об этом не хотел. До моего отъезда из Бразилии оставалось еще два дня, но мысленно я уже улетел.

На следующий день я был на тренировке, все еще в бессознательном отрицании произошедшего, не желая ни о чем думать, а еще меньше — извиняться и принимать тот факт, что мне нужна была чужая помощь.

Как только мы закончили тренировку, меня подо­звал Маэстро. У него были новости: «Это худшее, что мне когда-либо приходилось говорить футболисту». Он с трудом проговаривал слова. Тогда я думал, что дисквалификация будет на десять, пятнадцать или двадцать матчей, но тогда он сказал: «Девять матчей». Казалось, все не так уж страшно... Но он еще не закончил. «И тебе нельзя будет войти ни на один стадион. Теперь тебе нужно уехать. Тебе нельзя быть рядом с командой».

Я хотел остаться и поддержать друзей. Даже несмотря на то, что я не играл, я хотел хоть чем-то помочь. Но в отеле были представители ФИФА, и менеджер команды Эдуардо Бельза уже знал, что я должен покинуть команду как можно быстрее. Со мной обращались хуже, чем с преступником. Вы можете наказать футболиста, можете запретить ему играть, но можете ли вы запретить ему быть рядом с его товарищами?

Дисквалификация на девять матчей была ожидаема. Но чтобы меня отправили домой и запретили бывать на

всех стадионах? Единственная причина, по которой я не заплакал, было то, что я стоял перед своим тренером, и он делился со мной новостями.

После этого было собрание команды в отеле. Я хотел произнести речь перед обедом, но не смог. Я собирался сказать им, чтобы они были сильными, чтобы они продолжали в том же духе, чтобы они сражались, но я просто не смог..

Если бы дисквалификация ограничилась девятью матчами Уругвая — что, как я позже начал понимать, было душераздирающе, поскольку это были два чемпионата и два года без участия в сборной, — я бы мог это оспорить, но я бы понял. Но как можно запретить мне играть за «Ливерпуль», если мои дисквалификации в Англии никогда не мешали мне играть в Уругвае? Как можно запретить мне смотреть, как мои девятилетние и десятилетние племянники играют в детский футбол? Как можно запретить мне ходить на стадионы по всему миру? Говорить, что мне нельзя больше работать? Помешать мне даже просто прочеканить мяч по периметру футбольного поля? Мне все еще кажется невероятным, почему до тех пор, пока Международный арбитражный суд не постановил обратное, власть ФИФА распространялась так далеко.

Они никогда не дисквалифицировали футболистов таким образом за то, что они ломали кому-то ногу или разбивали нос всмятку, как это сделал Мауро Тассотти Луису Энрике на чемпионате мира 1994 года. Они раз-

дули из мухи слона под предлогом того, что инцидент произошел «на глазах у всего мира». Зинедин Зидан ударил головой Марко Матерацци в финале ЧМ-2006 и получил дисквалификацию всего на три матча!

Возможно, я был просто легкой мишенью. Но было и нечто важное, что мне необходимо было признать: я сам сделал себя легкой мишенью. Я допустил ошибку. Это моя вина. Это произошло уже в третий раз. Мне нужны были правильные люди, чтобы все исправить. Мне нужна была помощь.

* * *

После моей десятидневной дисквалификации в 2013 году за укус Бранислава Ивановича я начал задаваться вопросами о политике двойных стандартов ФИФА и том, почему никто не учитывал тот факт, что никто не пострадал. Урон, нанесенный игроку, был несопоставим с тем, какие жуткие трудности вставали перед другим. Иногда англичане гордятся тем, что у них самый низкий показатель выданных желтых карточек в Европе, но это естественно, если ты можешь кому-то оторвать ногу и при этом не получить желтую карточку. Если бы речь шла о том, что это лига с наименьшим количеством стычек, угрожающих карьере футболиста, тогда был бы повод для гордости.

Не думаю, что я когда-либо действительно наносил серьезные травмы моим коллегам. Я знаю, что укусы шокируют многих людей, но они относительно безо-

бидны. Или по крайней мере они были таковыми в тех инцидентах, в которых я был замешан. Когда на стадионе «Энфилд» Иванович закатал рукав, чтобы показать судьбе след от зубов, там практически ничего не было. Ничего общего с тем, как Майк Тайсон откусил ухо Эвандеру Холифилду.

Но все это ничуть не спасает ситуацию.

Когда я пришел домой и увидел по телевизору кадры со следами моих укусов, нанесенных полузащитнику «ПСВ» Отману Баккалу в 2010-м, я заплакал. Я только что стал отцом маленькой дочки, Дельфины, и мысль о том, что она вырастет и узнает, что я натворил, огорчила меня больше всего остального. Моя жена Софи была на трибуне и не поняла, что произошло. Когда она увидела запись, она спросила: «Чем ты, черт возьми, думал?»

Мне нужно было попытаться ответить на этот вопрос самому.

Уровень адреналина во время матча может быть слишком высок: пульс зашкаливает, и иногда мозг не поспевает за происходящим. Напряжение нарастает, и ты не знаешь, как его сбросить. В 2010-м я расстроился, потому что матч грозил стать ничейным, а это была очень важная игра, и у нас была черед неудач, которая вскоре стала причиной увольнения Мартина Йола. Я злился на себя и на всю эту ситуацию в целом. Досада копилась, и чувство, что именно по моей вине у нас ничего не получается, достигло критической точки.

То же самое произошло в том инциденте с Ивановичем в 2013-м. Нам нужно было обыграть «Челси», чтобы у нас был шанс попасть в Лигу чемпионов. Это был большой риск в любом из вариантов, но проигрыш означал бы, что все кончено. Я играл отвратительно. Я подарил глупейшее пенальти за игру рукой, и мне казалось, что победа ускользает у меня из-под носа. Я чувствовал, как завожусь, начинаю злиться на себя и говорю себе на поле: «Как можно быть таким косолапым?» или «Как можно было здесь промазать?».

За мгновение до того, как я укусил Кьеллини, у меня была отличная возможность реализовать момент и вывести счет на 1 : 0. Если бы я забил тот гол, если бы Буффон не спас тогда ворота, то последующие события никогда бы не произошли. Я бы ничего такого не сделал. Ничего.

Но я упустил свой шанс.

Напряжение нарастало, страх и злоба кипели внутри: «Мы вылетим, и вылетим мы из-за меня». Это душило подобно удавке. Момент, когда ты просто не осознаешь совершаемых поступков. Я не оправдываю то, что я сделал — никто бы не стал, — но я пытаюсь объяснить, что произошло. Я все еще пытаюсь объяснить это себе, чтобы понять, что случилось и почему.

Когда после матча сердце перестало колотиться, легко обернуться и сказать: «Ну и как можно быть таким идиотом? Оставалось еще двадцать минут». Но на поле,

когда в тебе бушует адреналин, а напряжение нарастает, ты даже не понимаешь, сколько осталось до конца матча. Ты ничего не понимаешь. Единственное, о чем я мог думать, было: «Я не забил, мы вылетаем из чемпионата мира». Есть футболисты, которые на моем месте бы сказали: «Ладно, мы вылетаем, но я забил два потрясающих гола в матче против Англии. Я звезда». Я мог бы попросить удаления с поля: «У меня опять болит колено, я забил два гола в предыдущем матче, я сделал все, что мог». Но я мыслил иначе. Я хотел большего. Это чувство очень трудно объяснить. После всего, через что пришлось пройти, ты не можешь вынести мысли о поражении. Дело не в том, что я хотел победить, дело в том, что мне была нужна победа. Страх поражения окутывает все вокруг — даже откровенно очевидный факт, что за мной следит по меньшей мере 20 000 пар глаз. Что-то схлопнулось у меня в голове. Логика больше не влияла на мои решения.

Однажды во время игры против Чили в 2013-м, когда игрок схватил меня между ног, я отреагировал, ударив его кулаком. Меня за это не дисквалифицировали. Ничего. Ни на один матч. Это посчитали нормальной, приемлемой реакцией. Не было и осуждения болельщиков. Когда я позвонил Ивановичу после инцидента в 2013-м, он сказал мне, что к нему приходила полиция и спрашивала, не желает ли он выдвинуть обвинения, и, к счастью, он отказался. Я благодарен ему, поскольку балаган мог затянуться. Врежь кому-нибудь, и это за-

будут, никакого цирка. Так почему же мне обязательно нужно выбирать самый вредный для себя путь?

Проблема с этой «отключкой» в том, что она также происходит, когда я делаю на поле что-то великолепное. Я забивал голы и впоследствии даже не мог понять, как мне это удалось. Мой стиль игры бессознательный, хорошо это или плохо, но это так. Я хочу высвободить напряжение, но я не хочу терять спонтанность своего стиля, а еще меньше — темп игры.

«Ливерпуль» прислал спортивного психолога ко мне в Барселону после инцидента с Ивановичем, и мы провели два часа, разговаривая о том, «что я чувствовал и что в этот момент происходило в моей голове». Он предложил мне свои услуги, и я ответил ему, что если я захочу, я с ним увижусь, но этого не произошло. Частично потому, что избавление привело бы к моему спокойствию на поле. А что, если в следующий раз, когда мимо меня полетит мяч, я просто дам ему пролететь, вместо того чтобы за ним погнаться? Я футболист, который в лепешку расшибется, лишь бы предотвратить вброс противника на девяностой минуте. Я так играю. И я не могу себе позволить лишиться этой спонтанности.

В определенной степени это нормально, что нападающий нервный и легко раздражается. На эти девяносто минут вся жизнь может показаться красной тряпкой. Я знаю, что слово «раздражительный» может звучать странно, но оно подходит. Я раздражаюсь, ко-

гда защитник подходит и начинает давить меня сзади. Это нормально, потому что я отгораживаюсь от него спиной, отходя к нему, чтобы забить, но это раздражает меня. Меня раздражает, когда я упускаю момент. Все что угодно может раздражать. Иногда мне отлично удаются мои первые несколько касаний, и это хорошее предзнаменование, но если нет, то я думаю про себя: «Да что с тобой сегодня?» И я знаю, что в первый раз, когда со мной столкнется соперник, есть риск, что я отреагирую.

Защитники тоже это знают. В Премьер-лиге, когда я играл против кого-нибудь вроде Джонни Хейтинга, бывшего защитника «Аякса», а впоследствии «Эвертона», или Филиппе Сендероса из «Фулхэма», когда Мартин Йол был их менеджером, я знал, что надо делать. Сендерос наступал мне сзади на лодыжку через пять минут после выхода на поле. «А, извини» — бросал он. И я думал: «Ну да, Мартин Йол рассказал тебе, какой я, поэтому велел тебе это сделать».

Раздражение зависит от работы, и в определенной степени это нормально. Но когда оно развивается из-за плохой игры в важном матче, то я понимаю, что у меня проблемы. В тот день в игре с «Челси» я был ужасен. Я отвратительно играл против «ПСВ» в игре с Баккалом, и в матче против Италии я тоже упустил момент, который мог вывести мою страну в финал чемпионата мира. Каждый раз раздражение зашкаливало, напряжения было слишком много, и я срывался.